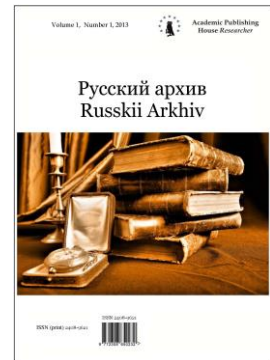

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN: 2413-726X
Vol. 14, Is. 4, pp. 286-300, 2016

DOI: 10.13187/ra.2016.14.286
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 94(470.55/.58)“18”(093)

"Memorial of the Accidents in the Orenburg Province" (1850–1860s): Crime News in the Provincial Periodicals as a Source for Ethnic and Cultural Studies

Natalia B. Gramatchikova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation
PhD (Philology)
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Abstract

The article considers one of the regular sections of the “Orenburg Provincial Gazette”. At different times, it has the titles “Memorial of the incidents” and “Review of the incidents.” This section of the gazette is analysed as a source for ethnographic, folkloric, and daily life studies in the region. The author outlines key trends in commenting on the news and their genre characteristics. Most frequent are the news on the deaths from lightning strikes, on human behavior in difficult circumstances, eyewitness accounts of the extraordinary (from their point of view or from the standpoint of “metropolitan resident”) events. These messages form extensive narratives. The constant coexistence of the “local views” and constructed “view from the capital” in the texts allows clarifying the motives that drive both the correspondents of the Gazette and their readers. The 1860s are remarkable for a large number of correspondences, which capture the problems disturbing the society and reproduce the situation of the 1840s at a new level. The newspaper becomes a platform for exchange of views and one of the most important resources of the formation of regional communities.

Keywords: accident, crime news, fire, gazette, Orenburg Province, provincial periodicals, thunderstorm.

«Оренбургские губернские ведомости» (далее — ОГВ) начали издаваться в 1838 г. и долгое время были единственным периодическим изданием огромного по площади региона Российской империи. Газета была еженедельной, состояла из официальной и неофициальной частей и изначально мыслилась военным губернатором П. Сухтеленем как средство оперативного информирования населения (в частности при угрозе эпидемий). ОГВ, как и большинство губернских ведомостей, состояли из *общего отдела*, в котором помещались законодательные акты России, и *двух местных частей: официальной,*

в которой печатались распоряжения и постановления местных и центральных властей, и *неофициальной*, предназначенной для чрезвычайных происшествий, описания торговли, сельского хозяйства, частных извещений и т.п.; не допускалось печатание или перепечатка оригинальных статей на общественно-политические темы, фельетонов и юмористического материала. Первый номер газеты состоял из 12 страниц с текстом, 5 чистых, 6 статей с метками «Место для отметки последствия публикации». Печать ОГВ стала новой задачей и для уфимской типографии, существующей с 1801 г. Первый номер был подписан гражданским губернатором Авксентием Павловичем Гевличем (1790–1861). Корректуря первого года не могла быть признана образцовой: ошибки были часты, а часть из них «изменяли сущность дела», на что оренбургский военный губернатор В.А. Перовский 6 октября 1838 г. указал гражданскому губернатору [1]. Через четыре номера, благодаря проявленному к газете вниманию военного губернатора В. Перовского (1795–1857), улучшилась печать и оформление страниц; в том же году количество страниц увеличилось до 16, с № 47 была объявлена подписка на ведомости по цене 10 рублей. В № 13 за 1843 г. помещено объявление об издании *неофициальной*, или литературной, части, программа которой включала в себя 17 пунктов: 1) о чрезвычайных происшествиях в губернии; 2) о рыночных справочных ценах на разные потребности; 3) о курсе на золото и серебро; 4) о состоянии казенных и частных фабрик; 5) о выданных привилегиях на изобретения и составление кампаний; 6) о способах улучшения сельского хозяйства и домоводства; 7) о состоянии урожая; 8) о метеорологических наблюдениях; 9) о ярмарках; 10) о рынках и о состоянии промыслов и торговли в губернии; 11) о состоянии судоходства в губернии; 12) об открытии в губернии новых учебных заведений; 13) о древностях; 14) о замеченных в губернии чрезвычайных явлениях природы; 15) исторические сведения о губернии; 16) некрологи известнейших в губернии лиц; 17) о прибывших и выбывших по городу Уфе.

Историк газеты П. Столпянский характеризовал подобную программу как «слишком обширную и невыполнимую», уточняя: «Если издавать газету по этой программе, то вместо газет должен был получиться сборник самого разнокалиберного содержания. Но для выполнения такой программы необходимо иметь громадный штат сотрудников, большие средства – ничего подобного не было ни у губернского правления, ни у губернской типографии. Газета была навязана правлению, и поэтому дело велось вполне спустя рукава. <...> Все изменение, которое испытали “Губернские ведомости” после 1843 г., заключалось в том, что объем их был увеличен еще одним полулистом, который редакция заполняла по цитируемой выше программе – редакция помещала на этот полулист все, что ни попадалось на глаза редактору» [2]. Однако сама по себе декларация намерений представляла собой важный шаг вперед и позволяла обсуждать предполагаемую стратегию.

Как мы видим, информирование о «чрезвычайных происшествиях в губернии» было внесено в программу под пунктом № 1 и понималось как приоритетная задача неофициальной части. Содержательный анализ публикаций неофициальной части, соотношения планируемых разделов и реализованных материалов позволяет раскрыть потенциал этого источника для изучения истории повседневности Оренбуржья, этнической культуры народов, населяющих регион, проясняет, как непросто складывались формирующие региональную идентичность концепты и какой долгой была «настройка оптики» провинциальных журналистов, постоянно колеблющихся между известной им читательской аудиторией и воображаемым «столичным взглядом» на «отдаленную губернию».

Редактором, решившим вывести неофициальную часть ОГВ на новую высоту, стал Иван Прокопьевич Сосфенов (1845–1853), которому удалось сделать газету достаточно разнообразной, создать сеть корреспондентов на местах и наладить публикацию статистических материалов разного характера, сохраняющих интерес и востребованность и в наши дни для широкого круга специалистов: социологов, этнографов, краеведов, филологов, фольклористов и др. Одними из наиболее сложных для анализа являются материалы раздела, озаглавленного «Мемориал происшествий в Оренбургской губернии» (впервые в № 18 от 4 мая 1846 г.), где сводка происшествий за первые три месяца текущего года заполняла и новостную, и статистическую рубрики. Раздел «Происшествий» оказывается оперативно важен в ситуациях публикации данных по росту инфекционных заболеваний (при эпидемии холеры публикуются таблицы с количеством заболевших,

выздоровевших и умерших от болезни; в 1860-е гг. можно найти сведения о заболевших скарлатиной, тифозной горячкой и др.). Однако и в тех случаях, когда никаких мер оперативного реагирования предпринимать не нужно, «Мемориал происшествий» (позднее – «Обзор происшествий») оказывается важной, а в некоторых номерах, где он занимает 2–3 страницы от общего объема номера, почти единственной доступной в этот период читателю оптикой, через которую воспринимается происходящее в губернии. Тексты этого раздела носят документальный характер и, на первый взгляд, представляют интерес лишь как источник сведений по истории губернии, однако их исследование в большом массиве, на протяжении двух десятилетий, дает богатый материал о соотношении документального и художественного в периодике, об отражении этнографических реалий в публицистических текстах прошлого века и, наконец, о самом понимании «события»/«новости» на местном материале. Некоторые важные в этом аспекте сюжеты криминальной хроники и будут рассмотрены в данной статье.

Раздел криминально-полицейской хроники производит своеобразную систематизацию происшествий, прежде всего, по видам смертей: нечаянные смерти, «от обжогу», замерзшие, утонувшие (иногда их необычайно много – до 70 человек за два летних месяца), «опившиеся» / умершие от излишнего употребления вина, подстреленные, убитые молнией (в сезон гибнет до десяти человек в месяц, т.е. каждые три дня житель губернии умирает в грозу), задавленные лошадьми, погибшие на рудниках, отравленные ядом. Как правило, жены травят мужей: «Мензелинского уезда Башкирец Хисамудинов отравлен ядом своею женою» [3]; «Мензелинского уезда сельца Урсаева гг. Мустафиных крестьянин Агей Степанов окормлен мышьяком женою своею Аграфеною Алексеевой» [4]; «Покушение на отравление. Г. Оренбурга дворовая девка Маюрши Спландарнской Зиновья Елизарова положила яду в кушанье Г-жи своей, с намерением отравить ее» [5] – такие смерти нечасты, но регулярны, о причинах этого явления сказано в очерке Д. Мамина-Сибиряка «Отрава» (1887). Дав выразительную картину жизни деревни, где единственной действенной заступницей женщин во внутрисемейных трагедиях становится старуха по прозвищу Отрава, писатель подводит итог: «Мужики зверствуют, а бабы травят – это по всем деревням так» [6].

Разнообразны причины детской смертности: кроме болезней, дети гибнут по неосторожности: тонут, обжигаются, попадают под лошадь, давятся горохом, умирают от ран: «Неумышленное убийство. Ведомства Уральского Казачьего Войска сын казака Акима Пастухова Михаил, играя пистолетом, застрелил свою сестру» [7].

Материалы рубрики показывают подвижность *границ публичности*: в XIX в. происшествием, о котором писали в газете, были мертворожденные дети, особенно если родом предшествовали обстоятельства насилия: «Государственная крестьянка Челябинского уезда дер. Скоблиной Олимпиада Дубровина родила мертвого младенца от причиненных ей побой крестьянином той же деревни Александром Шестаковым» [8]; «Челябинского уезда дер. Суттанаевой башкинская женка от причиненных ей побой указанным муллою Явильдинным повредила беременность, от чего и находится в тяжкой болезни» [9].

Ряд материалов рождает вопросы, интригуя *скрытым*, неизвестным, часто не совпадающим у читателя XIX в. и современного: относительно причин самоубийств («Мензелинского уезда заводский крестьянин Сидор Федоров и Стерлитамацкого уезда деревни Ишкаровой жена крестьянина Ав. (так! – Н.Г.) Степанова по неизвест. причине удавились» [10]), обстоятельств появления подкинутых, «сокрытых» и «истребленных» младенцев. Вот несколько примеров к последнему сюжету: один младенец женского пола «Ведомства Уральского казачьего войска Круглоозерного форпоста к казачьей жене Марье Петровой неизвестно кем подкинут» [11]; «Бирского уезда, деревни Тишкановой удельная крестьянская девка Анна Старцева, скрыла в лесу рожденного ею младенца мужского пола» [12]; «Уфимского уезда деревни Первушиной удельная крестьянская девка Праксовья Рупцова скрыла в подполе своей избы рожденного ею младенца» [13]; «Бутульминского уезда села Старой Борискиной крестьянская женка Дарья Михайлова, разрешившись от бремени, истребила младенца» [14].

Часть материалов представляет значительный интерес для этнографов и фольклористов: к таковым относятся требующие отдельного исследования сюжеты «разрытия могил» и происшествия, косвенно характеризующие обрядовую сферу.

Например, в 1846 г. «на Ташлинском кладбище разрыта могила. Из нее вынут младенец и положен около гроба» [15]; в 1848 г.: «Бутуруслановского уезда, деревни Калиновки государств. крестьянин Гаврила Степанов, скоропостижно умерший и похороненный на общем кладбище, был вырыт из могилы однодеревенцами и брошен в озеро» [16]. Заметка о прорвавшейся мельничной плотине приоткрывает ход родильного обряда, в котором присутствуют родственницы как со стороны жены-родильницы, так и со стороны мужа: «В селе Дубровке прорвалась мельничная плотина и затопила от сильного напора на берегу находящиеся бани, из коих в одно были: родильница с младенцем, повивальная бабка, трехлетняя дочь родильницы, мать родильницы и свекровь ее. Кроме родильницы и ее свекрови погибли все; но и последняя жила только 10 часов; родительница же находится в слабом положении» [17].

«Настройка оптики» в новостной рубрике происходит далеко не сразу. Изначально текст склонен к *гомогенности*, легко сопологая фенологию и несчастный случай: «9 числа была сильная гроза, сильный ветер и сильный дождь. В этот день в деревне Камышенке, в 14 верстах от города, молния оконтузила грудь крестьянской девочки, сидевшей в избе у открытого окна. В этот же день ласточки реяли и щебетали в воздухе в первый раз» [18]. Контуженная крестьянская девочка и щебечущие ласточки, равноудаленные по эмоциональной включенности от повествователя, свидетельствуют не столько об эпическом спокойствии автора новостной колонки, сколько о «сбоях фокусировки», при которой не происходит привычной позже смены интонации при переключении от созерцания природы к ситуации с человеческими жертвами (заметим, что данная заметка выходит уже на шестом году редакторства И. Сосфенова).

Равным образом и позднейшее бесстрашие интонаций криминальной хроники оказывается не единственным возможным оформлением подобных сообщений. По-своему уникальный новостной выпуск ОГВ за май 1847 г. демонстрирует *альтернативную* традицию подачи криминальной хроники, не реализовавшуюся позднее на страницах ОГВ, но потенциально возможную: с яркими авторскими ремарками-комментариями. В этом номере представлен единственный материал об убийстве, и его эмоциональность легко объяснима, хотя развернутый нарратив, вкупе с вводными оборотами («к утешению нашему»), обращает на себя внимание: «Убийство. В сравнении с прежним полумесячем настоящая рубрика представляет к утешению нашему одно только убийство, довольно впрочем замечательное, а именно: Оренбургского уезда к крестьянину помещицы Кольшки Никите Антонову пришли в ночное время два неизвестных человека, с намерением произвести покражу, и, стуком вызвав его из сеней, где он спал, стали бить его дубинами. Приведенный в такое отчаянное положение, Антонов схватил стоявшее в сенях заряженное ружье и в одного из нападавших сделал выстрел, от которого тот упал и потом пополз со двора; другой же убежал в разтворенные ворота. На следующий день подстреленный найден крестьянами деревни Тугостемир за версту от места происшествия в вершине речки Тепловки с разрубленною до половины шей и с глубокими ранами на голове» [19].

Каждая новость сопровождается укоризненными либо увещевающими восклицаниями, драматизирующими материал хроники: «Удавленный. С скорбью в сердце вносим в летопись, что восьмимесячный мальчик Троицкого уезда Кусинского завода был удавлен суконным поясом, и кем бы вы думали? Мущиною? – Нет – женщиной, – женою мастерового. Какое неистовство!» Или: «Жадность к вину погубила невозвратно в Верхнеуральском уезде малолетка Лаптева. – Какой урок излишне употребляющим горячая напитки!» [20] Следующие сводки за июнь 1847 г. возвращаются к привычному спокойному тону информирования, хотя, например, число утонувших возрастает с 13 до 36, а «скотский падеж» доходит до 212 особей [21]. Иногда скотские падежи достигают весьма значительных чисел: например, 584 штуки на Бирск, Стерлитамак и Оренбург в апреле 1848 г. [22]. В конце лета 1848 г. — только в Бирском уезде пало около 1200 животных [23].

Материалы криминальной хроники ОГВ, безусловно, не рассматривались как художественный текст; находясь на стыке живой, непредсказуемой реальности и публичного слова о ее трагических или драматических проявлениях, эти заметки не складываются в единый непротиворечивый образ Оренбуржья. Тем любопытнее проследить тенденции, при которых сообщения о происшествиях разного рода в ОГВ обнаруживали тягу к разным

«режимам функционирования» в газетных материалах, как правило, авторского характера. Представим некоторые из наших наблюдений.

Материалы, *характеризующие нравы мультиэтничного населения Оренбуржья*, не вполне подтверждают бытовавшую в то время стереотипизацию инородческого населения как склонного к противоправным действиям. Вот характерный пример подобной стереотипизации (что, безусловно, не отменяет реальности самих происшествий): «Народная нравственность уезда в удовлетворительном положении; если и есть пороки, то они происходят между мусульманами от лени и праздности, как то: воровство и преимущественно конокрадство; последний род преступлений равняется числу прочих» [24]. Однако регулярность правонарушений, квалифицируемых как «святотатство» (кража церковного имущества и предметов обихода), говорит о том, что и русско-православное население не было поголовно честным (хотя газета не сообщает о поимке виновных, по нашим предположениям, организовать кражу церковного имущества в православной церкви для мусульман было бы гораздо сложнее). Сведения о святотатстве можно найти, например, в № 34 за 1846 г. (кража в уфимской церкви Пророка Илии трех плащаниц, тафтяного одеяния со столика и трех медных посеребренных лампад) и в № 12 за 1847 г. (кража денег из запертых церковных кружек).

Некоторые сюжеты с этнической окраской отсылают, скорее, к эпически-трагическому прошлому «дикого края»: «В ведомстве Уральскаго казачьяго войска. В кочевье деревни Хасяново-Бигильдиной из Башкир Казан Лукман Хасянов и брат его Шугаиб оказали буйство и дерзости Начальнику юрты Сотнику Глуценкову, при входе котораго в кибитку Лукмана, для усмирения от буйства, сей последний, схватив дочь свою имевшую от роду 20 дней, за ноги, ударил ею по виску Глуценкова, и потом, бросив на пол, стал на нее ногою и задавил» [25].

Религиозно-морализаторский пафос присущ материалам о неожиданных смертях и эпидемиях; авторами подобных заметок часто оказываются священники (в тех случаях, когда текст заметки вообще сопровождается подписью автора). Напоминание о связи между болезнью и состоянием духа страждущего оказывается общим местом для периодики XIX в.; наиболее наглядным свидетельством быстротечности человеческой жизни служили смерти от грозы, вводная информация о них могла быть следующей: «Как ни часто Всевышний Творец ужасными явлениями природы напоминает людям о себе, – напоминает, что они недалеки от смерти. Недалеки от праведного и страшного суда, недалеки и до ужасных мучений....» [26]. Далее в заметке речь идет о смерти от молнии татарина; при этом выбило стекла в избе, покалечило женщину-мордовку. Данный дискурс близок фольклорно-амбивалентному отношению к смерти от удара молнии, поэтому аналогичные случаи нередко описываются в развернутых нарративах, как нижеследующий из Троицка: «Молния ударила в небольшой дом мещанина Буланова, прошибла крышу и потолок близ самой печи, наповал убила жену Буланова, а сестру ея и самага Буланова сильно контузила; после этого стрела вылетела в дверь, повредив немного косяк; пожару же не причинено. Все бывшие в избе пали ниц от страха, но остались без повреждения. Самой Булановой стрела попала в макушку с правой стороны головы и вылетела за правым ухом. После убитой осталось на руках отца 5 человек детей, из коих младшим 9 лет. Сам Буланов и сестра его жены сильно не здоровы; но есть надежда на их выздоровление» [27].

Представляют интерес тексты, которые, перешагнув рамки «единицы отчетности», обрели ярко выраженный авторский характер: их главные герои позиционируются корреспондентами ОГВ как примеры для подражания в сложных жизненных ситуациях. Так, корреспондент С. описывает «подвиг Афросиньи Сысоевой», крестьянки 28 лет из деревни Темерган Мензелинского уезда в январе 1851 г.: она, услышав ночью шум на дворе, отважно вышла из дому и, обнаружив огромной величины волка, бросившегося на нее, «не теряя присутствия духа, встретила врага своего благосостояния приветом песта и ударила им так метко в лоб волка, что он упал навзничь и испустил дух, не исполнив своих надежд» [28].

В заметке Прибельского¹ [29] «Бураны в Оренбургском крае и их губительные последствия» силы природы во всей их неукротимости – фон для проявления силы человеческого духа. Как мы знаем из ноябрьской корреспонденции Сунгурова, в 1851 г. уже ноябрь выдался суровым: страшный ураган со снегом унес в верховьях реки Ирғиз жизни 168 киргиз из Дюрткоринского рода (средней орды), а также убил более 300 000 животных. Сунгуров сообщал, что Дюрткоринский род (средней орды) попал в страшный ураган: кибитки и люди разбросаны и занесены снегом. Погибло 168 человек киргизов, 1292 лошади, 205 600 голов баранов, 490 верблюдов, 360 голов рогатого скота. Снегу выпало до 3 аршин в некоторых местах, пролежал он 7 дней [30]. Прибельский вслед за очерком редкостно суровой зимы, последовавшей за печально памятным ноябрем, когда путник легко находил свою смерть в степях («Буран своим воем его отпевает, надевает на него белый саван и зарывает его в белую же снежную могилу, которая только при появлении весны открывает брэнное человека, в свое время мыслившего и наслаждавшегося жизнью» [31]), размещает рассказ о шадринском мещанине Евграфе Белорусцеве, поверенном Оренбургского акцизно-откупного комиссионерства. Белорусцев, объезжая вверенную ему дистанцию в Оренбургском уезде по Казанскому тракту и изъязв в питейных заведениях положенную сумму, был в полдень 20 ноября вместе с ямщиком застигнут бураном в 12 верстах от большой дороги. Попытка выйти при продолжающемся буране к людям удалась лишь ямщику, который затем сразу вернулся к саням, где не обнаружил ни Белорусцева, ни сундучка с деньгами. Буран продолжался более двух недель, и все это время продолжались поиски становым приставом и несколькими башкирами с охотничьими собаками. Только 6 декабря «собака Башкирца Абдуллакими Юлбердинова отыскала страдальца Белорусцева у стога сена (в 9 верстах от д. Кармалы), занесенного со всех сторон снегом, превратившимся почти в лед и образовавшим как бы грот, и лаем своим повестила своему хозяину об этой драгоценной находке. Юлбердинов в один момент явился у стога сена и, разгребая снег, увидел полуживое существо, которому не замедлил сказать: нетронь моя, твоя ищет» [32]. Кульминационной частью текста становится свидетельство самого чиновника о том, что позволило ему не впасть в отчаяние и дожидаться помощи в снежном плену: «Приведя его в чувство и здравый рассудок, после семисуточной борьбы с отчаянием, голодом и холодом», спасатели узнали, как ежедневно в своем ледяном гроте, «придавленный с затылка снегом», он считал дни, припоминая чтимых угодников Божиих; ноги обернул волчьим тулупом, а коченеющими руками «щипал непрестанно шерстяной чулок» (в результате, хотя пальцы ног Белорусцева были ампутированы, но руки он сохранил). Прибельский отмечает и благородный порыв спасателей, особенно исправника Сердикова («в действиях его видно не одно холодное исполнение обязанности») [33], и присутствие духа у самого Белорусцева. Так очерк о буранах становится историей о человеческом мужестве, солидарности и надежде в отчаянных обстоятельствах.

Подобные истории перерастают формат новостных заметок, однако были бы невозможны без налаженной системы информирования о происшествиях.

Особую категорию заметок составляют тексты, где корреспонденты ОГВ видят свою миссию в пополнении общечеловеческой «кладовой знаний»: «*быть полезным*» человечеству там, куда судьба забросила по обстоятельствам рождения или службы, – вот их ведущий мотив, ясно сформулированный в обстоятельной заметке М. Жидкова «Поездка в Киргизскую степь» (1850). Осознавая себя «лишь» путешественником, а не ученым-ботаником, Жидков находит путь служить науке и просвещению: «Я наблюдал Киргиз-Кайсацкую флору, так сказать, наглядно, мимоходом и вносил в своей дневник только то, что более заслуживало внимания; чем теперь и делюсь, с тою мыслию, что если каждый человек, бывавший здесь, сообщит науке каплю сведений подобно моей, то общее приношение будет заметно и полезно для людей и науки» [34]. Кабинетным ученым Жидков отводит задачу составления целостного описания из разрозненных мозаичных сведений: «Флора Киргизских степей чрезвычайно разнообразна; сбор гербария, исследование ея потребуют много времени, огромных трудов и значительных пожертвований ботаника; а описание займет большие томы, за то, принявший на себя эти

¹ По мнению историка М. Роднова, Прибельский – псевдоним редактора ОГВ И. Сосфенова; версия нам кажется убедительной.

труды, без сомнения будет вознагражден единогласною признательностию ученого света, – за такую услугу науке» [35].

Из модуса «казусов кунсткамеры», примерами которых могут служить перепечатки из других периодических изданий в ОГВ «Дойный козел» [36] и «Необыкновенный урод» («В Иркутской Губернии нерчинского Округа в Татауровской волости поселянская жена Марина Ключева от роду 22 лет, родила 23 октября уroda, не имеющего вовсе человеческого образа, а принадлежащего скорее к конской породе, как то: с лошадиною головою, передними и задними ногами, небольшим хвостом, необыкновенно большими глазами и девятнадцатью ребрами на каждом боку» [37]), новостные материалы медленно смещаются в модус «свидетельства очевидца». Значительный вклад в подобное информирование, приобретающее в некоторых случаях значение «*обратной связи*» (письма в газету, адресованные известным ученым, врачам и др.), вносят сельские врачи, священники, учителя. Так, в 1847 г. ОГВ размещают материал «Живые лягушки в человеческом желудке» [38], где приводится свидетельство практикующего сельского врача относительно экзотических, но вполне объяснимых, исходя из реалий крестьянской жизни, причин недомогания больной, напившейся на покосе болотной воды с лягушачьими икринками. Материал также содержит любопытные подробности судебного разбирательства, в контексте которого врач как раз и предоставляет свое заключение относительно возможных путей проникновения в желудок больной такого количества земноводных.

Священник Н.Ш. (род занятий ясен из контекста) Челябинского уезда в заметке под названием «*Aquae Nelubinae*» описывает два случая практического испытания нового врачебного средства: оба больных выздоровели (между тем как он был приглашен исповедовать их и причастить перед кончиной), о чем автор заметки с искренней благодарностью сообщает через газету г. Нелюбину, изобретателю снадобья. Текст заметки «*Aqua Nelubinae*» полон этнографических деталей: начиная с ситуации, в которой крестьяне приглашали священника на исповедь (прибывший на место автор видит, что «приглашение меня для исповеди есть только предосторожность, а не то, чтобы настоящее его положение того требовало»), до принятых среди крестьянства практик лечения (теплой воды для омывания ран не могут найти во всем доме; «...на лицо больного успели уже старушки-бабушки, заговорщики крови и разные знахари — того, третьего и десятого намазать, наклеить и намарать. Все это было смыто») и реакции семей болящих на инструкции, полученные вместе с оказанием медицинской помощи (капли, оставленные священником больному, родственники не вернули – «добрые хозяева видно люди запасливые!» – диету болящий не соблюдал, но через неделю выглядел вполне здоровым; также и женщина – через две недели «Вместо того, чтобы лежать в постели — она ходит и бегаёт; вместо бледности на щеках — яркий румянец; вместо не хочу ни есть, ни пить — охотно кушает и пьёт») [39].

История пса Бурая, спасшего своего хозяина на охоте и брошенного им на растерзание медведю, пересказанная В. Зефировым («Урок охотникам. Истинное происшествие в Башкирии» [40] имеет подзаголовок «Черта к естественной истории», прямо вербализующий авторский мотив. Так корреспондент ОГВ стремится предать гласности полученное им свидетельство того, что чувство справедливости свойственно не только человеку, но и развитым животным, например, собакам; право пса на месть за предательство признано всем локальным сообществом, включая родственников погибшего охотника.

В 1860-х гг. новостной фон значительно меняется (меняется и редактор ОГВ, в 1864–1865 гг. это Чоглоков): Крымская война 1853–1856 гг., крестьянская реформа 1861 г. резко радикализуют социальные процессы.

Симптомом социальной тревоги и попыток ее преодоления становятся увеличение количества материалов об осуществленных и неудачных *побегах из тюрем*, включающих множество подробностей. Вот пара примеров из «Хроники происшествий» только одного выпуска ОГВ за 1864 г.: «В ночь с 21 на 22 Мая Оренбургской Арестантской роты инженерного ведомства 3 арестанта ссыльнокааторжного разряда и 1 всегдашнего разряда, сделав в нижнем каземате казармы под полом земляной подкоп, бежали. Из них двое судились уже за побег из той же арестантской роты: оба были закованы в ножные кандалы»;

«В ночь с 16 на 17 Августа в г. Белебей было сделано покушение тремя арестантами: прочие два во время суматохи, видя намерение их неудавшимся, вернулись в камеры и притворились спящими» [41].

Еще более беспокоят граждан *пожары*, а главное – их причины, т.е. поджигатели. В *поджогах* обвиняют беглых («В Оренбургском уезде около деревни Ивановки, в Августе месяце появились беглецы, из которых 2 пойманы: крестьяне этой деревни приписывают происшедшие в последнее время пожары появлению беглых») [42], «инородцев» («В ночь на 23 Августа у крестьян села Андреевки-Рыкова загорелась баня от поджога, и когда народ стал сбегаться, то замечены были бежавшие 3 иноверца, а на месте пожара была найдена татарская шапка») [43] и ссыльных поляков.

В 1864 г. описание нескольких пожаров превращается развернутые полудетективные многостраничные повествования, характеризующие сельские и городские нравы. Так, 14 августа 1864 г. в селе Табынском Стерлитамакского уезда загорелось торговое «свечное заведение» государственного крестьянина Михайлова, откуда огонь распространился и на имущество торговца-крестьянина Звездина; в поджоге подозревали государственного крестьянина села Табынского Якова Любина, который «после пожара в самом селе, быв пойман ночью в овраге, около р. Белой, с неизвестным товарищем и с похищенными с пожара медными деньгами на 75 р., отбивался от поимщиков вооруженною рукою и, бросив деньги, с товарищем своим бежал по направлению к Архангельскому заводу. Преследовавшие их, в темноте ночи вскоре потеряли их из виду и, возвратившись все вместе с сельским старостою и понятыми, пошли в дом Любина, где его нашли». Той же ночью «вспыхнул другой пожар на спичечном заводе того же крестьянина Михайлова... Здесь огонь показался с наружной стены амбара... пламя так быстро обхватило все здание и пристроенные к нему 2 избы, что находившиеся в них люди выскочили в одних рубахах и ничего не успели спасти». В поджоге обвиняли озлобившегося Любина, однако десятки (!) односельчан воспользовались суматохой ночного пожара, и погорелец лишился имущества на 2000 рублей; в воровстве были заподозрены 22 жителя села, «из коих у некоторых даже найдено несколько похищенных вещей. В числе этих 22 человек находятся 3 женщины и 1 отставной солдат» [44]. Заметки воспроизводят прежде всего фактическую сторону происшествий, однако выводы о нравах, царящих в селах, очевидны.

Волнения охватывали разные концы губернии, формируя нарративы, где сочетались вымышленное и реальное: «В конце июля месяца распространился слух в Уфимском уезде, что появились беглые башкирцы, из числа сосланных в Сибирь за конокрадство. По ближайшему изследованию в Августе месяце открылось, что воровство производят не сибирские беглецы, а местные башкирцы деревень Енагушевой и Биштиновой, бежавшие с работ на золотых приисках в Троицком уезде, куда они были отданы в заработки за неплатеж денежных повинностей» [45]. Число лесных бродяг «положительно никому неизвестно», часть разбойников была поймана и подверглась наказаниям; но кражи лошадей продолжались при поддержке местного населения, конокрадству сопутствовали и другие злодеяния: «В краже лошадей и в особенности в получении выкупов за них участвуют некоторые башкиры дер. Енагушеновой, а главный притон бродяг на пчельнике башкирца этой деревни Заганшина. Беглые с приисков башкиры отбирали от встречавшихся с ними крестьян хлеб, воровали с пчельников мед, воровали лошадей, требуя за них выкуп, и заподозрены в поджоге села Богородского, в отмщение за то, что один из бродяг, Нугуманов, был пойман крестьянами этого села. Наконец ходившая на богомолье в г. Уфу, крестьянка Вятской губернии, Марфа Вагина предъявила, что бродяги эти, поймав ее на дороге, увели в лес и несколько дней насильовали, пока случайным образом, не застигли в лесу бродяг конные пастухи, давшие ей возможность освободиться» [46]. Таким образом, желание социума обнаружить «чужих» вовне вполне разоблачается сводками криминальной хроники этого периода.

Конец лета 1864 г. в губернии выдался жарким и сухим, августовские и сентябрьские корреспонденции пестрят сообщениями о пожарах. Они показательны в плане того, что именно проблематизируется в локальном сообществе. Например, из Куртамышя приходят две объемные корреспонденции за подписью «В.П.»: «В 3 часа, на развете, 19 Августа ударили в набат: черные клубы дыма, сквозь которые прорывалось по временам яркое пламя, одели фантастическим покровом половину слободы. Испуганные жители толпились

около пожара, кричали. Разсуждали. Но никто ничего не делал или оказывал медвежьи услуги: спасал то, чего не было надобности спасать, и оставлял то, что могло сгореть» [47]. В отличие от ударов молнии, пространство пожаров в ОГВ – это пространство *социального взаимодействия*, начиная от причины возгорания до хода ликвидации и последствий. Как двумя десятилетиями ранее газета предоставляла свои страницы в качестве «площадки» для публикаций всевозможных рецептов противодействия холере, эпидемия которой разворачивалась во второй половине 1840-х гг., так в 1860-х гг. корреспонденты ОГВ обращают внимание на социальную сторону пожаров: плохую организацию противопожарных служб и беспечность населения («Становой Пристав был в уезде; распорядиться было некому; все растерялись, пожарные инструменты состояли из пяти-шести плохих багров и трубы для поливки в саду; хотя суммы на устройства их сбирались аккуратно в течение нескольких лет»; «...Пожарные старосты существуют только номинально; что пожарные инструменты, где и есть, в самом жалком состоянии; что ночные обходы совсем не делаются или делаются как попало») [48]. Часто непосредственными виновниками пожара оказываются односельчане: «Пожар случился от крестьянской оргии: в одной избе всю ночь пели песни и плясали; немудрено, что к утру показался из ней огонь стоило только кому-нибудь из подкутивших бросить небрежно папироску. Дело, кажется, ясно, а между тем невежественная толпа кричала о поджоге, обвиняла поляков, несмотря на все доказательства здравомыслящих людей» [49].

Вообще проблема пожаров носила всероссийский характер. В сборнике очерков «Год на севере» (1859) известный писатель-этнограф С.В. Максимов негодовал на «неискоренимый обычай», «закон какой-то повсеместный» повальной беспечности и нерачительности, обрекающий северные леса на гибель от незатушенных рыбацких и охотничьих костров: «Тушить огонь... самое пустое дело и труд не в прибыль: Печорский край никогда не может совершенно выгореть!» – приводит он суждение «самого мудрого, степенного человека» из охотников [50]. Корреспонденты ОГВ вторят Максиму: «Ежедневные пожары, опустошающие здешние леса и деревни, происходят не от поджогов, а от невежества и русского “авось”: останавливаются в лесу, разводят огонь, потом, потушив его как-нибудь, а иногда и вовсе не потушив, едут далее: в домах стоят печи иногда в один кирпич, прислонив их к самой стене; трубы выводят чуть не под крышу и никогда не чистят их; прибавьте к этому обычай пускать палы – и вы удивитесь, что пожары случаются не чаще...» [51]. Священник Николай Волков (описание пожара в селе Новотроицком, длившегося почти неделю, при котором выгорел весь лес в окрестностях) живописует: зарево стояло ночью, днем свет скрывали клубы дыма, и, хотя молебны сопровождали каждый поворот ветра, «бездеятельность сельской власти и леность и беспечность самих жителей дали время усилиться огню» [52].

Хотя заметки корреспондентов содержат ряд практических предложений по изменению ситуации (например, вести и публиковать статистический учет пожарам, чтобы повысить «энергию и распорядительность» ответственных лиц [53]), массовая реакция погорельцев была иной. Ее красочно рисует вторая часть корреспонденции из Куртамышя, написанная спустя три дня после пожара, когда уже стали «раскладываться с возов», а «умы были заняты все еще пожаром» и прежние апатия и уныние сменились жаждой мести; «о поляках продолжали толковать, но нелепые толки мало-помалу замолкли перед очевидностью доказательств – не умолкало только в толпе желание излить на кого-нибудь свой гнев. Разумеется, он пал на беззащитных». В результате на деревенской сходке «принесли в жертву несколько бедных женщин, которых вся вина состояла в беспорядочном поведении. В страстном стремлении к добродетели, возбужденном пожаром, наши православные забыли, что сами развращали этих женщин и ежедневно подавали им пример безнравственности своими поступками и речами; они забыли, что не только не заботились о воспитании их, но еще ставили разного рода препятствия» [54]. Автор, оставшийся неизвестным, не идеализирует ни общину, ни склонность простонародья к жестокости, которую следует усмирять, а не легитимизировать, ни понятие справедливости, легко уступающее желанию мести, горько описывая и удовольствие от телесного наказания женщин, разделяемое толпой, и избивение одного из мужей, вступившегося за жену; тем более что речь идет о женщинах, чье положение в деревне и так «чуть не наравне с животным»; напрямую связывая невежество вершащих суд с количеством обвинительных

приговоров, выносимых ими, ибо невежественный судья склонен считать себя непогрешимым и, как все невежды, представляет себе «жестокость как лучшее средство к искоренению зла, и он остается верен этой идее и чем сильнее у него желание добра, тем он беспощаднее, и тем печальнее результаты» [55].

ОГВ также информирует читателей о вступивших в силу смертных приговорах осужденным за поджог: «29 сентября в 10 часов утра, по конфирации командующего войсками Оренбургского края генерал-адъютанта Безака, в Уфе подвергнут был смертной казни – разстреливанием – рядовой Уфимского батальона Филипп Забудкин, за поджог холодных строений в доме бывшего фельдфебеля (ныне подпоручика) Погодина. Филипп Забудкин совершил это преступление, в котором был уличен и сознался в Военно-судной комиссии. 23 декабря прошлого 1863 года, из мести к Погодину, строго следившему за его поведением и останавливавшим его от пьянства. Казнь совершена была на поле, близ старого гулянья, при многочисленном стечении народа, с соблюдением всех предписанных для сего печальных обрядов» [56].

Горят не только деревни и села, но и Уфа. Заметки о поведении горожан на пожарах наиболее близки интонационно к тем романам о провинции, где последняя представлена как царство *апатии, лени и легкомыслия* [57]: при пожаре дома купца Блохина (сентябрь 1864 г.) «не заметить о том полнейшем равнодушии, с которым наш простой люд, стекаясь толпами на пожар, стоит там преспокойно в качестве зрителей. И только разве нагайка казака и то с трудом подгонит ближайшую из этих кучек народа к пожарной трубе или к разрушаемому строению. Самоотверженной деятельности нашей немногочисленной полиции на пожарах усердно помогают только лица начальствующие, люди из высшего класса и почтенное наше купечество» [58]. Между тем социальная напряженность растет: «Слухи о поджогах у нас все еще не умолкают, и в Уфе, напуганной ужасною судьбой Симбирска, видна в настоящее время всевозможная заботливость о предохранении от несчастного случая: везде караулы, целую ночь слышатся самые разнообразные, сторожевые звуки или, вернее сказать, стуки – в палки, в заборы, в чугунные доски, в железные ведра и т.д.» [59].

Что касается ссыльных поляков, то их участие в формировании новостной повестки имеет свою специфику. Ссыльные появляются в разделах «покушение на самоубийство» («В г. Троицке 5 октября находящийся под надзором полиции Адам Дроздовский сделал себе в грудь из ружья выстрел, и хотя остался жив, но положение его опасное» [60]), «воровство» (весьма неблагоприятный случай: кража у своих, с клеветой на девицу: «Варшавский мещанин Вильгельм Мальчевский, сосланный в г. Челябину под надзор полиции за политические беспорядки, находясь в услужении у дворянина Адама Левинского, состоящего также под надзором полиции, выкрал у последнего из дорожного мешка 107 руб. серебром, в чем при спросах в полицейском управлении сознался, оговорив участницею в этом преступлении мещанскую девицу г. Челябины Марью Ильиных. Последнее, однако, не подтвердилось, и потому Мальчевский заключен под стражу, а девица Ильиных освобождена» [61]). Однако известия об участии ссыльных в противоправительственных действиях вызывают моментальную и горячую реакцию южноуральцев. Заметка «Газетная Утка» за авторством оренбургского полицеймейстера полковника Михаила Федорова оказывается крайне эмоциональным опровержением сведений, предоставляемых Санкт-Петербургскими ведомостями (речь идет о перепечатке Санкт-Петербургскими ведомостями статьи из “*Post Zeitung*” в № 186 от 6/18 августа 1864 г.). В них утверждается, что в городе Оренбурге пять поляков арестованы как подозреваемые в подстрекательстве против правительства. Федоров спешит заверить: «О подобном, совершенно небывалом, у нас в городе происшествии мы, оренбургцы, известились только по прочтении этой статьи и позабавились над шутником, написавшим эту небывальщину». Полковник утверждает, что все 52 человека, находящихся в Оренбурге под надзором полиции, «ведут себя... благоразумно, прилично, живут тихо в своем кругу, и капиталистов между ними нет. Здешние жители не выказывают им ни особого расположения, ни особой ненависти, но, скажу откровенно, беда тому поляку, который бы решился попытаться подстрекнуть к чему-либо нашего оренбургца: он дорого поплатился бы до суда и дела за эту попытку» [62]. Вероятность гнева столичного начальства заставляет взять под патронат заведомо «чужих» краю жителей.

В качестве заключения выскажем несколько предварительных выводов, которые нуждаются в дальнейшей проработке и уточнении. Раздел «Обзор происшествий» составлял регулярную и популярную часть новостной повестки края, своеобразное «зеркало», в котором губерния узнавала себя. В значительной части криминальные новости зависели от самой действительности, но отражались в газете, подчиняясь принятым нормам публичности и содержа публицистический посыл. Часть сюжетов выказывают несомненную тягу к определенным жанрам, содержа морализаторскую, героизирующую, дидактическую и др. авторскую интенцию; «Мемориал происшествий» ОГВ по понятным причинам серьезен и лишен комической составляющей.

Цельный образ края из криминальной хроники ОГВ создать не удастся, однако эта рубрика является прямым отражением происходящих в обществе процессов и возможностей их рецепции периодической печатью, т.е. находится на самом острие формирования и изменения социокультурных стереотипов, пристрастий, фобий и др. В этом смысле сюжеты криминальной хроники дают обильный и разнообразный материал для понимания ожиданий читательской аудитории той эпохи. Новости вообще, среди которых криминальные выходили с известной периодичностью, приучали читателей к регулярности информирования и возможностям «обратной связи» с редакцией, активизировали «горизонтальные связи» сообщества: в частности, через возможность сепарации или солидарности с какой-либо социальной группой. Вообще исследование рубрики криминальных происшествий в наибольшей мере эффективно, пожалуй, для расширения междисциплинарного поля гуманитаристики: сюжеты преступлений, не дождавшиеся своих Крестовского и Достоевского, тем не менее дают обильную пищу для размышлений о взаимосвязи социальных изменений в провинции и эволюции периодической печати там же. Само обилие новостей в провинциальной прессе (даже с учетом их некоторого однообразия) свидетельствует о том, что описание провинциальной жизни как бессобытийной, монотонной и скучной средствами художественной словесности есть только один из реально возможных и существующих в то время способов концептуализации действительности.

Таким образом, материалы ОГВ, относящиеся к редким и слабо доступным, ввиду их плохой сохранности и того, что в электронном виде можно найти годовые подписки лишь за несколько лет (из почти трех десятков лет издания), а также выборочно некоторые номера, представляют собой неопределимый источник сведений по Южному Уралу в силу нескольких причин. Во-первых, на протяжении нескольких десятков лет (можно сказать, до разделения Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую в 1865 г.) ОГВ были единственным регулярным изданием, вокруг которого складывалось литературно-научное сообщество. Во-вторых, важна устремленность редакционной политики к достаточно полному и системному отражению социокультурных, религиозных, этнических и других явлений действительности, находящая свое выражение в работе с корреспондентами на местах и в сотрудничестве со статистическим комитетом. Газета, как и всякое периодическое издание, имела периоды спада и подъема, причины которых также могут стать предметом специального анализа. В-третьих, хотя публикации ОГВ дают представление о том, как непросто происходило в провинции литературно-художественное оформление материалов, однако историки, этнографы, антропологи, социологи, фольклористы, несомненно, обнаружат в этой газете большое количество сведений, доселе не введенных в научный оборот либо остро нуждающихся в осмыслении на новом научном уровне.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работы по проекту № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в.».

Примечания

1. Столпянский П.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. XII. Оренбург, 1903. С. 5.
2. Столпянский П.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае. С. 10–11.

3. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за февраль месяц 1848 года // ОГВ. 1848. № 13. 27 марта.
4. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии с 15 июля по 15 августа 1848 года // ОГВ. 1848. № 40. 2 октября.
5. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за вторую половину августа и первую половину сентября 1848 года // ОГВ. 1848. № 42. 16 октября.
6. Мамин-Сибиряк Д.Н. Отрава. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_1887_otrava_oldorfo.shtml (дата обращения: 13.12.2016).
7. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за вторую половину августа и первую половину сентября 1848 года // ОГВ. 1848. № 42. 16 октября.
8. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за апрель, май и июнь месяцы 1846 г. // ОГВ. 1846. № 34. 23 августа.
9. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за июль, август и сентябрь месяцы 1846 г. // ОГВ. 1846. № 47. 23 ноября. С. 564.
10. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за февраль месяц 1848 года // ОГВ. 1848. № 13. 27 марта.
11. Мемориал происшествий за вторую половину 1847 года // ОГВ. 1847. № 28. 17 ноября.
12. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии с 15 июля по 15 августа 1848 года // ОГВ. 1848. № 40. 2 октября.
13. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за вторую половину августа и первую половину сентября 1848 года // ОГВ. 1848. 16 октября. № 42.
14. Местные известия // ОГВ. 1848. № 52. 28 декабря.
15. Мемориал происшествий за вторую половину сентября // ОГВ. 1846. № 42. 19 октября.
16. Местные известия // ОГВ. 1848. № 30. 24 июля.
17. Местные известия // ОГВ. 1847. № 4. 25 января.
18. Местные известия // ОГВ. 1851. № 21. 26 мая.
19. Обзор происшествий в Оренбургской губернии за вторую половину мая 1847 года // ОГВ. 1847. № 25. 21 июня. С. 302–303.
20. Обзор происшествий в Оренбургской губернии за вторую половину мая 1847 года. С. 303.
21. Происшествия за июнь 1847 года // ОГВ. 1847. № 30. 26 июля.
22. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за апрель месяц 1848 года // ОГВ. 1848. № 23. 5 июня.
23. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии с 15 июля по 15 августа 1848 года // ОГВ. 1848. № 40. 2 октября.
24. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за март месяц 1848 года // ОГВ. 1848. № 20. 15 мая.
25. Местные известия // ОГВ. 1847. № 38. 20 сентября.
26. Св. Аф. Б...въ. Мгновенная смерть (Истинное происшествие) // ОГВ. 1847. № 49. 6 декабря. С. 689–691.
27. Житков М. Местные известия. Троицк // ОГВ. 1851. № 28. 12 июля. С. 115.
28. С. Отважность крестьянки // ОГВ. 1851. № 43. 27 октября. С. 193.
29. Иван Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа: Бирская гос. соц.-пед. академия, 2012.
30. Сунгуров. Оренбург // ОГВ. 1850. № 47. 25 ноября. С. 240.
31. Прибельский. Бураны в Оренбургском крае и их губительные последствия // ОГВ. 1851. № 8. 24 февраля. С. 21.
32. Прибельский. Бураны в Оренбургском крае и их губительные последствия. С. 22.
33. Прибельский. Бураны в Оренбургском крае и их губительные последствия. С. 23.
34. Жидков М. Поездка в Киргизскую степь. Статья II-я. Шесть месяцев на реке Иртыш // ОГВ. 1850. № 14. 8 апреля. С. 66–67.
35. Жидков М. Поездка в Киргизскую степь. С. 66.
36. Дойный козел (М.В.) // ОГВ. 1845. № 42. 20 октября.
37. Необыкновенный урод (Ж.М.В.Д.) // ОГВ. 1847. № 12. 22 марта.
38. Живые лягушки в человеческом желудке (К.Г.В.) // ОГВ. 1845. № 41. 13 октября.
39. Н.Ш. Aquae Nelubinae // ОГВ. 1849. № 5. 29 января. С. 27.
40. Зефирова В. [В. З.ф.р.в.ъ.] Урок охотникам. Истинное происшествие в Башкирии (Черта к естественной истории) // ОГВ. 1849. 12 февраля. № 7. С. 38–41.
41. Хроника происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 35. 29 августа. С. 219–222.
42. Хроника происшествий в Оренбургской губернии. С. 222.
43. Хроника происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 36. 5 сентября. С. 230.
44. Хроника происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 35. 29 августа. С. 219–222.

45. Хроника происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 36. 5 сентября. С. 229.
 46. Хроника происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 36. 5 сентября. С. 229.
 47. В.П. Из Куртамышша // ОГВ. 1864. № 37. 12 сентября. С. 237.
 48. В.П. Из Куртамышша. С. 237–238.
 49. В.П. Из Куртамышша. С. 237.
 50. Максимов С. В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Год на Севере. М.: Худ. литература, 1987. С. 387.
 51. В.П. Из Куртамышша. С. 237–238.
 52. Священник Николай Волков. Из села Новотроицкого (Бирского уезда) // ОГВ. 1864. № 42. 17 октября. С. 273.
 53. В.П. Из Куртамышша. С. 237.
 54. В.П. Из Куртамышша. После пожара // ОГВ. 1864. № 38. 19 сентября. С. 245–246.
 55. В.П. Из Куртамышша. После пожара. С. 245–246.
 56. Смертная казнь // ОГВ. 1864. № 43. 24 октября. С. 283.
 57. Козлов А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2014.
 58. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 36. 5 сентября. С. 231.
 59. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 38. 19 сентября. С. 246–247.
 60. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 42. 17 октября. С. 275.
 61. Мемориал происшествий в Оренбургской губернии // ОГВ. 1864. № 42. 17 октября. С. 275–276.
 62. Федоров М. Газетная утка // ОГВ. 1864. № 43. 24 октября. С. 278.

References

1. Stolpyanskiy P.N. Ofitsialnaya i ofitsioznaya pressa v Orenburgskom krae // Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii. T. XII. Orenburg, 1903. S. 5.
2. Stolpyanskiy P.N. Ofitsialnaya i ofitsioznaya pressa v Orenburgskom krae. S. 10–11.
3. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za fevral mesyats 1848 goda // OGV. 1848. № 13. 27 marta.
4. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii s 15 iyulya po 15 avgusta 1848 goda // OGV. 1848. № 40. 2 oktyabrya.
5. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za vtoruyu polovinu avgusta i pervuyu polovinu sentyabrya 1848 goda // OGV. 1848. № 42. 16 oktyabrya.
6. Mamin-Sibiryak D.N. Otrava. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_1887_otrava_oldorfo.shtml (data obrascheniya: 13.12.2016).
7. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za vtoruyu polovinu avgusta i pervuyu polovinu sentyabrya 1848 goda // OGV. 1848. № 42. 16 oktyabrya.
8. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za aprel, may i iyun mesyatsy 1846 g. // OGV. 1846. № 34. 23 avgusta.
9. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za iyul, avgust i sentyabr mesyatsy 1846 g. // OGV. 1846. № 47. 23 noyabrya. S. 564.
10. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za fevral mesyats 1848 goda // OGV. 1848. № 13. 27 marta.
11. Memorial proisshestviy za vtoruyu polovinu 1847 goda // OGV. 1847. № 28. 17 noyabrya.
12. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii s 15 iyulya po 15 avgusta 1848 goda // OGV. 1848. № 40. 2 oktyabrya.
13. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za vtoruyu polovinu avgusta i pervuyu polovinu sentyabrya 1848 goda // OGV. 1848. 16 oktyabrya. № 42.
14. Mestnye izvestiya // OGV. 1848. № 52. 28 dekabrya.
15. Memorial proisshestviy za vtoruyu polovinu sentyabrya // OGV. 1846. № 42. 19 oktyabrya.
16. Mestnye izvestiya // OGV. 1848. № 30. 24 iyulya.
17. Mestnye izvestiya // OGV. 1847. № 4. 25 yanvarya.
18. Mestnye izvestiya // OGV. 1851. № 21. 26 maya.
19. Obzor proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za vtoruyu polovinu maya 1847 goda // OGV. 1847. № 25. 21 iyunya. S. 302–303.
20. Obzor proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za vtoruyu polovinu maya 1847 goda. S. 303.
21. Proisshestviya za iyun 1847 goda // OGV. 1847. № 30. 26 iyulya.
22. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za aprel mesyats 1848 goda // OGV. 1848. № 23. 5 iyunya.
23. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii s 15 iyulya po 15 avgusta 1848 goda // OGV. 1848. № 40. 2 oktyabrya.

24. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii za mart mesyats 1848 goda // OGV. 1848. № 20. 15 maya.
25. Mestnye izvestiya // OGV. 1847. № 38. 20 sentyabrya.
26. Sv. Af. B...v. Mgnovennaya smert (Istinnoe proisshestvie) // OGV. 1847. № 49. 6 dekabrya. S. 689–691.
27. Zhitkov M. Mestnye izvestiya. Troitsk // OGV. 1851. № 28. 12 iyulya. S. 115.
28. S. Otvazhnost krestyanki // OGV. 1851. № 43. 27 oktyabrya. S. 193.
29. Ivan Sosfenov: nachalo ufimskoy literatury / sost. M.I. Rodnov. Ufa: Birskaaya gos. sots.-ped. akademiya, 2012.
30. Sungurov. Orenburg // OGV. 1850. № 47. 25 noyabrya. S. 240.
31. Pribelskiy. Burany v Orenburgskom krae i ikh gibelnye posledstviya // OGV. 1851. № 8. 24 fevralya. S. 21.
32. Pribelskiy. Burany v Orenburgskom krae i ikh gibelnye posledstviya. S. 22.
33. Pribelskiy. Burany v Orenburgskom krae i ikh gibelnye posledstviya. S. 23.
34. Zhidkov M. Poezdka v Kirgizskuyu step. Statya II-ya. Shest mesyatsev na reke Irgyz // OGV. 1850. № 14. 8 aprelya. S. 66–67.
35. Zhidkov M. Poezdka v Kirgizskuyu step. S. 66.
36. Doynny kozel (M.V.) // OGV. 1845. № 42. 20 oktyabrya.
37. Neobyknovenny urod (Zh.M.V.D.) // OGV. 1847. № 12. 22 marta.
38. Zhivye lyagushki v chelovecheskom zheludke (K.G.V.) // OGV. 1845. № 41. 13 oktyabrya.
39. N.Sh. Aquae Nelubinae // OGV. 1849. № 5. 29 yanvaryaya. S. 27.
40. Zefirov V. [V. Z.f.r.v.] Urok okhotnikam. Istinnoe proisshestvie v Bashkirii (Cherta k estestvennoy istorii) // OGV. 1849. 12 fevralya. № 7. S. 38–41.
41. Khronika proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 35. 29 avgusta. S. 219–222.
42. Khronika proisshestviy v Orenburgskoy gubernii. S. 222.
43. Khronika proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 36. 5 sentyabrya. S. 230.
44. Khronika proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 35. 29 avgusta. S. 219–222.
45. Khronika proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 36. 5 sentyabrya. S. 229.
46. Khronika proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 36. 5 sentyabrya. S. 229.
47. V.P. Iz Kurtamysha // OGV. 1864. № 37. 12 sentyabrya. S. 237.
48. V.P. Iz Kurtamysha. S. 237–238.
49. V.P. Iz Kurtamysha. S. 237.
50. Maksimov S. V. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1. God na Severe. M: Khud. literatura, 1987. S. 387.
51. V.P. Iz Kurtamysha. S. 237–238.
52. Svyashchennik Nikolay Volkov. Iz sela Novotroitskogo (Birskaogo uezda) // OGV. 1864. № 42. 17 oktyabrya. S. 273.
53. V.P. Iz Kurtamysha. S. 237.
54. V.P. Iz Kurtamysha. Posle pozhara // OGV. 1864. № 38. 19 sentyabrya. S. 245–246.
55. V.P. Iz Kurtamysha. Posle pozhara. S. 245–246.
56. Smertnaya kazn // OGV. 1864. № 43. 24 oktyabrya. S. 283.
57. Kozlov A.E. Provintsial'nye syuzhety russkoy literatury XIX veka: avtoref. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2014.
58. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 36. 5 sentyabrya. S. 231.
59. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 38. 19 sentyabrya. S. 246–247.
60. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 42. 17 oktyabrya. S. 275.
61. Memorial proisshestviy v Orenburgskoy gubernii // OGV. 1864. № 42. 17 oktyabrya. S. 275–276.
62. Fedorov M. Gazetnaya utka // OGV. 1864. № 43. 24 oktyabrya. S. 278.

УДК 94(470.55/.58)“18”(093)

**«Мемориал происшествий Оренбургской губернии» (1850–1860-х гг.):
криминальная хроника в провинциальной периодической печати
как источник для этнокультурных исследований**

Наталья Борисовна Граматчикова

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,

Российская Федерация
кандидат филологических наук
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одной из регулярных рубрик «Оренбургских губернских ведомостей», в разное время носившей название «Мемориала происшествий» и «Обзора происшествий», как источника для исследования этнографии, фольклора, повседневности региона. Выделяются основные тенденции в комментировании новостей и их жанровых «тяготениях». Наиболее частотными новостями, формирующими вокруг себя развернутые нарративы, становятся сообщения о смертях от удара молнии, о поведении человека в сложных обстоятельствах, свидетельства очевидцев об экстраординарных (с их точки зрения или с точки зрения «столичного жителя») событиях. Постоянное сосуществование в текстах «взгляда с места» и конструируемого «взгляда из столиц» позволяет прояснить мотивы, движущие как корреспондентами ведомостей, так и их читателями. 1860-е гг. отмечены большим количеством корреспонденций, фиксирующих проблемы, тревожащие общество, и на новом уровне воспроизводят ситуацию конца 1840-х гг., газета становится площадкой обмена мнениями и одним из важных ресурсов формирования региональных сообществ.

Ключевые слова: ведомости, гроза, криминальная хроника, новости, Оренбургская губерния, пожар, провинциальная периодика, происшествие.